

АНАСТАСИЯ ПОПОВА

ЭМПАТИЯ

ЭМПАТИЯ

НУЛЕВОЙ КОНТАКТ

Анастасия Попова
Эмпатия. Нулевой контакт.

«Автор»

2026

Попова А. А.

Эмпатия. Нулевой контакт. / А. А. Попова — «Автор», 2026

Академия «Астрея» — закрытый элитный институт, где готовят идеальных дипломатов. Цена обучения — человечность. Правило первое: эмоции запрещены. Правило второе: физический контакт исключён. Правило третье: любовь — это ошибка системы, которую исправляют перепрошивкой мозга. Роман о том, как остаться человеком в мире, где человечность — преступление. О цене, которую платят за один поцелуй. И о двух сердцах, которые бьются в унисон даже после того, как одно из них признали эмоционально мёртвым. Для читателей, которые верят, что даже в самой жестокой антиутопии есть место для нежности. Ведь настоящий контакт — не тот, что фиксируют датчики. А тот, после которого чешется шея крапивницей, потому что правда всегда пробивается сквозь ложь.

© Попова А. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Глава 1. Нулевой протокол.	6
Глава 2. Тепловая ловушка	10
Глава 3. Синхронизация.	15
Глава 4. Совет трёх.	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Анастасия Попова

Эмпатия. Нулевой контакт.

Глава

Глава 1. Нулевой протокол.

Академия «Астрея». Остров Нордсванн. 15 ноября. -4°C, ветер 12 м/с.

Чёрный монолит главного корпуса стоял на утёсе так, будто скала выросла вокруг него, пытаясь поглотить чужеродное тело. Архитектор, проектировавший «Астрею», говорил на презентации: «Это здание не должно нравиться. Оно должно напоминать о неизбежности». Через три года его нашли мёртвым в собственной мастерской. Вскрытие показало остановку сердца без каких-либо физиологических причин. Банально и весьма прозаично. Ходило много слухов, о плате кровью, проклятии древних мастеров, не позволении превзойти себя, но именно этот величественный триумф бетона остался последним неповторимым шедевром его карьеры. Кто-то из выпускников шепнул тогда: «Астрея не прощает тех, кто придал форму её бесформенной жестокости».

Мира знала эту историю. Слышала сотни вариаций от невероятно диких, не имевших в основе ни капли здравого смысла, до абсолютно реалистичных и правдоподобных — за месяц до поступления, лёжа на продавленном диване в съёмной квартире на окраине Мурманска, нашла в слитых документах файл под грифом «Морфей». Психологические портреты всех выпускников «Астреи» за последние сорок лет. Распределение по оси «эмпатия — эффективность». График, показывал обратную корреляцию с пугающей точностью: чем выше поднимался ученик по рангу, тем ниже падала способность распознавать страх и боль в глазах другого человека. На место эмпатии, возвысившей нас как венец природы, пришла склонность к манипуляциям, цинизму и сухому расчёту, без эмоций, чистый нарциссизм, человек - средство ведущее к цели. Пугающая реалья современной дикой жизни построенной на законах макиавеллизма.

К выпускному курсу элита академии демонстрировала показатели, характерные для психопатов с высоким функциональным интеллектом.

Мира подумала: «Они не ломают людей. Они их вычитают. Как уравнения. Убирают переменные: боль, стыд, сочувствие, за ненадобностью».

Даже не подозревала, что очень скоро её саму начнут доктринировать.

Сейчас, стоя перед массивными дверями зала симуляций, девушка чувствовала, как инфракрасный датчик в сорок седьмой раз за день сканирует лицо с отпечатком серой тени бессонной ночи. Она научилась не напрягаться под суровым немигающим оком, в заострившихся чертах читалось торжество человека, отдавшего без остатка всего себя главному делу жизни. Научилась держать пульс в диапазоне 68–72 удара — золотая середина, алгоритмы считывали «нейтральным состоянием».

Семь дней тренировок. Семь дней оттачивала умения в душевой кабине, считая удары на запястье: раз-два-три-четыре, раз-два-три-четыре. Как мантру. Как молитву. Как заклинание против демона, которого звали «человечность». Словно стирая живое лицо, которое, казалось, улавливало малейшее колебание боли и радости. Мягкое, открытое, тёплое, с тем редким светом добра, который струится откуда-то из глубины. Взамен, словно художник одержимый финальным аккордом, натягивала тесную маску безразличия.

Сквозь пожелтевшую бумагу последнего письма отец словно говорил с ней: «Будь камнем. Камни не предают». Ей было четырнадцать, когда она его получила — за четыре дня до того, как в их счастливую жизнь ворвались люди в серых костюмах без опознавательных знаков. Он был дипломатом. Подписал не ту бумагу. Или не подписал ту, которую нужно. Мира так и не поняла, в чём именно состояло его преступление. Но хорошо запомнила фразу, которую хладнокровно сказал следователь, обыскивавший квартиру: «Ваш отец слишком много

чувствовал. В нашем мире это тяжкое преступление». Жестокий прагматик смотрел на него с высока, как на хрупкий бумажный кораблик заброшенный в бурлящий поток битого стекла, как на нелепую ошибку эволюции, не понимая, что быть человеком - это не слабость, а забытый манифест того, какими мы задумывались изначально.

Теперь она стояла здесь, в сердце этого мира, и пыталась не чувствовать. Это было похоже на попытку не дышать. Двери разъехались с тихим шипением, и Мира вошла в амфитеатр.

Сорок восемь студентов. Сорок восемь идеально выглаженных воротников. Запах дорожного парфюма, смешанный с озоном от работающих голографических проекторов. В центре зала парила трёхмерная карта вымышленного государства «Фаэтон» — территория размером с Францию, население три миллиона цифровых граждан. Для академии эти три миллиона были не людьми даже в симуляции. Они были метрикой. Коэффициентом. Строчкой в отчёте об эффективности.

Симуляция «Давос-2071» считалась самой сложной в годовом цикле. Правила: две команды по два человека («ястреб» и «голубь», хотя внутри академии эти роли назывались иначе — «Клинок» и «Щит») должны убедить противника в своей готовности уничтожить собственное население ради ресурсов. Парадокс, который преподавали здесь как высшую дипломатическую добродетель: «Только тот, кто готов убить всех своих, достоин вести переговоры с чужими».

Мира узнала, что её партнёром будет кто-то из ранга А. Предполагала, что этот кто-то имеет право её отстранить, если сочтёт «эмоционально нестабильной». Осознавала, отстранение — автоматическое исключение. А исключение — возвращение в Мурманск, где её уже ждёт не продавленный диван, а бетонный пол в следственном изоляторе. Отец под пытками назвал её имя. Не предавал. Сломался. Камни, как выяснилось, иногда трескаются.

Мира не винила отца. Корила только себя за то, что до сих пор умела плакать.

— Студентка Мира Соколова, сектор F-12, назначена в пару с Глебом Вандербильт сектор А-1.

Голос разнёсся по залу, наполнив душу трепетом. А-1. Мира почувствовала, как её тренированный, закованный в корсет воли пульс — подскочил до девяности. Девяносто два. Девяносто пять. Она сжала запястье. Раз-два-три-четыре. Будь камнем. Камни не бьются.

Из тени дальнего конца зала, вышел он. Время замедлило свой ход, подчиняясь уверенному шагу. От его обжигающего взгляда у доброй половины девчонок академии перехватывало дыхание: идеальные волосы, хищный разлёт тёмных бровей и лёгкая, чертовски уверенная усмешка на чувственных губах. Грация выдавала врождённого победителя, закинув куртку за плечо он двигался к ней, глубокие, гипнотизирующие глаза, казалось, знали обо всём безмолвном обожании, которое шлейфом тянулось за ним по коридорам.

Глеб Вандербильт обладал той страшной красотой, которую можно сравнить лишь с хирургическим инструментом — безупречный, стерильный, смертельный. Высокий. Плечистый, ткань костюма, стоила больше, чем Миры стипендия за три года. Волосы цвета воронова крыла зачёсаны назад с геометрической точностью. Глаза — серые, почти прозрачные, как лёд на Байкале в феврале. В них не было жестокости. В них не было ничего. Именно эта пустота пугала сильнее любого оскала.

Он остановился в трёх шагах. Инфракрасные датчики синхронно мигнули красным — считывали температуру тела, частоту дыхания, микросокращения лицевых мышц.

— Соколова, — произнёс он. Это не было приветствием. Это было считыванием данных с идентификационной карты. Глеб говорил так, будто озвучивал результаты лабораторного анализа.

— Вандербильт, — ответила она тем же тоном, хотя внутри неё всё кричало.

Он моргнул. Один раз. Медленно. Мира знала, что этот жест в языке тела означает «удивление» — на долю секунды его система дала сбой. Видимо, не ожидал, что студентка из F-12, сектора для «неэлиты» и «квотников», будет обращаться к нему без дрожи в голосе.

— Приступим к брифингу, — сказал он, разворачивая голографический планшет. — Твоя роль — Щит. Ты будешь плакать. Ты будешь умолять противника о пощаде. Ты создашь образ слабости, под прикрытием которой я нанесу удар. Это стандартная схема 47-B, «Хищник и жертва». Вопросы?

Мира посмотрела на карту «Фаэтона». Три миллиона цифровых граждан. У неё внутри что-то сжалось — не в груди, а где-то глубже, там, где рождаются решения, которые потом называют «иррациональными».

— Один вопрос, — шепнула она. — В схеме 47-B жертва умирает в конце. Кто играет жертву по-настоящему?

Парень замер. Лицо не изменилось — ни один мускул не дрогнул. Но девушка вдруг поняла, что тренированное чутьё, выросшее в мурманских подворотнях, где ложь была единственной валютой, а правда — роскошью, которую никто не мог себе позволить, зафиксировало странную аномалию: его пульс, который она слышала — как? откуда? — участился.

Ответил не сразу.

— В этой академии, Соколова, жертва всегда одна. И это не человек. Это человечность. Приступаем к первой репетиции через десять минут. Звуконепроницаемая комната 12. Не опаздывай.

Развернулся и ушёл, не оглядываясь. Шаги были бесшумными — тренировка, доведённая до автоматизма. Хищник не должен создавать лишних звуков.

Мира осталась стоять посреди зала, глядя на парящую карту «Фаэтона», и вдруг подумала, что эти три миллиона цифровых людей — счастливее её. У них нет сердца. У них нет пульса, который предательски выпрыгивает из-под контроля, когда мимо проходит мальчик с глазами бездонного колодца.

С силой сжала запястье. Раз-два-три-четыре. Шестьдесят девять. Семьдесят. Семьдесят один. Камень. Почти поверила в это.

Звуконепроницаемая комната 12 оказалась кубом из серой стали без окон. Только две лампы дневного света, встроенные в потолок, и видеокамера в углу — глаз, который никогда не моргает. Запах озона и дезинфекции. Мира подумала, что так, наверное, пахнет в операционной, когда пациент уже под наркозом, а хирург точит скальпель.

Глеб стоял у дальней стены, впившись взглядом в сценарий переговоров, проецировавшийся прямо на сетчатку через линзы, вживлённые под веки. Мира заметила это только сейчас — тонкую серебряную нить на радужке, почти незаметную, если не знать, куда смотреть. Имплант класса «Гекатонхейр» — стоимостью как небольшой самолёт. С такими гаджетом можно просчитывать варианты переговоров в реальном времени, анализировать микровыражения оппонента, прогнозировать ответные ходы за три секунды до того, как они будут озвучены.

Люди с «Гекатонхейром» не проигрывали симуляции. Они вообще не уступали ни в чем. Потому что перестали быть людьми в том смысле, который вкладывают в это слово поэты и влюблённые.

— Ты не умеешь плакать по заказу, — сказал Глеб, не поднимая глаз. Это было утверждение, а не вопрос.

— Откуда ты знаешь?

— Твоё лицо, когда ты смотрела на карту «Фаэтона». Микровыражение боли длилось 0,3 секунды, затем сменилось гневом, затем — контролем. Если бы ты умела плакать по заказу, ты бы выбрала слёзы сразу. Ты не выбрала. Значит, не умеешь.

Она почувствовала, как по позвоночнику пробежал холодок. Её не анализировал никто с такой пугающей точностью. Даже со следователями, которые допрашивали отца, было проще.

— И что теперь? — спросила она. — Отстранишь меня?

Он поднял голову. Их взгляды встретились — Мира вдруг поняла, эти серые глаза не пустые. Они переполнены. Просто тем, что в них плещется, нельзя дать имя, потому что у этого нет имени на человеческом языке. Только на языке машин — «фондовый шум», «нерелевантные данные», «ошибка компиляции».

— Нет, — сказал он. — Я научу тебя плакать.

Произошло то, чего Мира не могла представить даже в самых страшных, кошмарных фантазиях. Подошёл вплотную — так близко, почувствовала тепло его тела (парадокс: все называли «ледяным принцем», а он был горячим, как печь) — положил ладонь ей на затылок. Не грубо. Не нежно. Каким-то третьим способом, для которого в языке не найдётся слов.

— Закрой глаза, — приказал он, гипнотически, словно удав обвивающийся вокруг тела жертвы. — Представь, я — твой отец. Я стою в той самой комнате. Ко мне пришли люди в серых костюмах. Они спрашивают, где ты. Если я скажу правду, меня убьют. Если совру, убьют тебя. У меня есть три секунды на ответ. Что я выберу?

Девушка не успела разобрать происходящего. Тело среагировало раньше, чем мозг — спазм в горле, жжение за веками, первый солёный ручеёк, сорвавшийся с ресниц. Заплакала. Не по заказу. Не контролируя. Просто — сломалась. Опять. Как тогда, четырнадцать лет назад, когда увидела, как увозят отца.

— Открой глаза, — тихо сказал Глеб.

Она открыла. Его лицо было в сантиметре от её лица. На щеке блестела капля — слеза, случайно сорвавшаяся с ресниц и долетевшая до него. Он не стёр её. Он смотрел на неё пристально, но немного иначе, в его глазах впервые за всё время Мира увидела не пустоту. Она увидела ужас.

Не страх перед ней. Страх перед собой.

— Теперь ты умеешь, — сказал он, голос дрогнул. — Включай эту память каждый раз, когда понадобятся слёзы. Каждый раз, когда я скажу «плачь» — вспоминай, как я спросил тебя про отца. Сможешь?

Кивнула. Не могла говорить. Язык прилип к нёбу, как сухой лист.

Парень убрал руку с затылка. Сделал шаг назад. На его лице снова воцарилась маска — та самая, которую носила вся академия: вежливое, безупречное, мёртвое спокойствие.

— Репетиция окончена, — произнёс он уже обычным, ледяным тоном. — Завтра в 8:00 — первая симуляция. Не опаздывай.

Вышел. Дверь закрылась с гидравлическим шипением.

Мира осталась одна в сером кубе. Стены давили. Всё ещё плакала, но уже не понимала — от боли или от того, что случилось между ними минуту назад, была готова ко всему, но этого совсем не планировала, пыталась отрицать каждой клеточкой своего ещё дрожащего тела. Как же так, ведь физические касания не предусмотрены ни одним из параграфов «Правил нулевого контакта».

Бросила взгляд на камеру в углу. Красный глаз не моргал.

Глава 2. Тепловая ловушка

Академия «Астрея». Архивное хранилище уровня «Харон». 17 ноября. 23:47.

Архивное хранилище уровня «Харон» находилось на семь этажей ниже уровня моря. Мира узнала об этом, когда лифт, в который они с Глебом вошли пятнадцать минут назад, миновал отметку «В4» и продолжил падать вниз с лёгким, почти ласковым гудением. С каждой секундой спуска воздух становился плотнее — система кондиционирования здесь работала на пределе, выкачивая из бетонных глубин запах плесени и машинного масла, смешанный с чем-то металлическим, почти нестерпимым.

— Архив «Харон» содержит документы, которые академия не может уничтожить, но не хочет хранить на поверхности, — пояснил Глеб, не глядя на неё. Его голос отражался от зеркальных стен лифта, множился, превращаясь в шёпот десятка безликих теней. — Сюда спускаются только раз в год. Для инспекции. Охранная система здесь устаревшая, но избыточная — тепловизоры, датчики движения, акустические сенсоры. Если ты дышишь — они тебя слышат. Если твоё сердце бьётся — они тебя видят.

Мира сжала в кармане куртки пластиковую карту-ключ, которую всучил куратор перед спуском. На тяжёлом глянце разместилась надпись: «Разовый доступ. Цель: изъятие файла 7-Альфа. Время: 30 минут. Нарушение временного лимита карается автоматической блокировкой выхода». Девушка не спросила, что означает 7-Альфа. Успела понять, что вопросы в академии — слабость. А слабость приравнялась к измене.

Но одно она спросить всё-таки решилась:

— Почему нас отправили вдвоём? Архивный доступ обычно дают одному.

Глеб наконец повернул голову. Его лицо в тусклом свете лифта казалось вырезанным из мрамора — таким же белым, неподвижным, древним. Только глаза жили. Слишком ярко для человека, который, по слухам, спал по четыре часа в сутки и никогда не видел снов.

— Потому что файл 7-Альфа весит два терабайта в запакованном виде. Один человек не вынесет его физически — нужны двое, чтобы нести контейнер. А ещё потому, что Оксана Лебедева — та самая, которая будет играть против нас в симуляции — подкупила кого-то из техников и изменила настройки вентиляции. Там, внизу, через десять минут после нашего прибытия отключат подачу кислорода. У нас будет ровно двадцать минут, чтобы найти файл и выбраться, прежде чем мы начнём задыхаться.

Мира почувствовала, как пол под ногами качнулся — но это, конечно, просто лифт замедлялся перед остановкой.

— Ты знал об этом и всё равно согласился спуститься?

— Да.

— Почему?

Он помолчал. Лифт остановился. Двери разъехались, выпустив студентов в длинный, уходящий в темноту коридор, стены которого были покрыты чёрной резиной — звукоизоляция. Шаги стали беззвучными, как будто они шли по вате.

— Потому что файл 7-Альфа — доказательства того, что отец Оксаны финансирует военные перевороты в трёх африканских странах. Если мы его достанем, симуляция выиграна ещё до начала. Оксана лишится рычагов давления. А ты — он запнулся. Это было так непохоже на него — на Глеба Вандербильта, который никогда не делал паузы, даже когда произносил фразы на восьми языках подряд. — А ты сможешь обменять этот файл на свободу своего отца.

Мира замерла посреди коридора.

— Откуда ты знаешь про отца?

— Я знаю всё про всех, Соколова. Знаю, что ты ела на завтрак три года назад. Знаю, какой у тебя уровень кортизола в крови сейчас — 217 наномолей на литр, что выше нормы на сорок процентов. Знаю, что ты плачешь в душевой кабине по ночам, когда думаешь, что никто не слышит. Но акустика в этих стенах... — он не договорил.

Она вдруг поняла, что не злится. Не боится. Чувствует что-то другое — то самое, чему нет имени. Благодарность? Нет. Благодарность слишком просто. Это было похоже на то, как если бы ты шёл по тонкому льду, зная, что под тобой бездна, и вдруг кто-то протянул руку и сказал: «Я тоже здесь тонул. Держись».

Будь камнем, — прошептал внутренний голос тембором отца. Камни не тонут.

Она не ответила. Просто пошла дальше.

Архивное хранилище встретило их холодом.

Температура здесь была минус пять — специальный режим для сохранения магнитных носителей. Мира почувствовала, как пальцы начинают неметь. Она не взяла перчаток — кто знал, что архив будет похож на морозильную камеру?

Глеб, как всегда, был готов ко всему. Извлёк из внутреннего кармана пальто тонкие чёрные перчатки с подогревом — девушка заметила микроскопические нити, вплетённые в ткань, — и протянул их ей.

— Надень. Обморожение пальцев снижает точность сенсомоторных реакций на семьдесят процентов.

Надела. Перчатки были тёплыми — и огромными. Ладони утонули, как руки ребёнка в отцовских варежках. Она вдруг подумала: «Интересно, его руки тоже такие большие?» — и тут же мысленно себя одёрнула. Запрещено. Всё запрещено. Даже мысли запрещены.

— Следуй за мной, — бросил Глеб, включая налобный фонарь. Луч света выхватывал из темноты ряды металлических стеллажей, уходящих вверх на десять метров. На полках — тысячи боксов, маркированных непонятными шифрами: Q-19, R-44, X-12, S-7. — Файл 7-Альфа должен быть в секторе G, подсектор 3, ячейка 47. Нам туда.

Пошёл вперёд быстрым, бесшумным шагом. Мира едва поспевала. Дыхание вырывалось белыми клубами пара — видимое в свете фонаря, осязаемое, слишком человеческое. Глеб дышал иначе — коротко, поверхностно, почти незаметно. Будто не доверял даже воздуху.

Прошли мимо стеллажа с маркировкой «F-12». Её сектор. Её буква. Её цифра. Мира почувствовала, как внутри шевельнулось холодное предчувствие. В этой академии совпадений не бывает.

— Остановись, — внезапно скомандовал Глеб.

Она замерла. Он поднял руку, заставляя окаменеть на месте, и прислушался. Тишина была абсолютной — глухое безмолвие, где собственное дыхание казалось оглушительным, такое бывает только глубоко под землёй, когда даже звуки собственного сердца кажутся неприличными нарушителями первозданного безмолвия.

— Ты слышишь? — спросил он шёпотом.

— Нет.

— Вот именно. Слишком тихо. Акустические сенсоры должны были улавливать вибрацию наших шагов. Но они молчат. Значит, нас завели сюда намеренно.

Луч фонаря метнулся к потолку. Мира подняла голову — и увидела их. Вдоль всей длины коридора, через каждые полтора метра, в потолок были вмонтированы матовые полусферы. Она приняла их за светильники. Но теперь, в свете налобной лампы, разглядела тонкую сетку инфракрасных излучателей внутри.

— Тепловизоры, — выдохнула она. — Их здесь больше, чем должно быть.

— В два раза больше, — поправил Глеб. — Оксана не просто отключила вентиляцию. Она перенастроила охранную систему на максимальную чувствительность. Каждый наш шаг записывается. Каждый удар сердца — фиксируется.

Парень достал из кармана небольшое устройство — анализатор спектра. Приложил к стене. На дисплее загорелась красная карта — десятки точек, расположенных по всему коридору.

— Если мы пойдём дальше, система засечёт нас через минуту. Максимум. Тогда — автоматический вызов службы безопасности. Исключение. Тюрьма. Конец истории.

Мира смотрела на красные точки. Чувствовала, как перчатки с подогревом согревают мёрзнувшие пальцы. Думала об отце. О том, что если они сейчас развернутся и уйдут, файл 7-Альфа останется здесь, а её жизнь в «Астрее» превратится в бесконечное ожидание приговора.

— Есть другой путь? — спросила она.

Глеб молчал так долго, что уже решила — он не ответит. Но потом сказал тихо, почти не размыкая губ:

— Есть. Но ты не согласишься.

— Утверждать будешь после того, как расскажешь?

Повернулся к ней. В полумраке с красным отливом его лицо казалось маской — но глаза горели тем же ужасом, который Мира видела в звуконепроницаемой комнате. Он боялся. Не её. Не Оксаны. Боялся того, что сейчас предложит.

— Инфракрасные сенсоры реагируют на разницу температур между объектом и окружающей средой. Если сравнить температуру кожи с температурой стен, то система не сможет отличить человека от фона. Но для этого нужно... — запнулся во второй раз. Это было невероятно. Глеб Вандербильт никогда не поскальзывался на словах. — Нам нужно раздеться, прижаться друг к другу вплотную и оставаться неподвижными в течение как минимум пяти минут. Наши тела остынут до температуры воздуха. Потом мы сможем двигаться дальше, тепловизоры нас не увидят.

Мира почувствовала, как её сердце пропустило удар. Не один — три. Четыре. Пять. А потом забилось с такой силой, что, казалось, рёбра треснут.

— Ты предлагаешь нам обниматься в архивном хранилище, чтобы избежать обнаружения? Или замёрзнуть заживо?

— Я предлагаю нам совершить действие, которое технически не является нарушением «Правил нулевого контакта», потому что пункт 3.7 разрешает физический контакт в случае угрозы жизни. Но Оксана... будет следить за тепловизорами. Увидит, как наши контуры сольются в один. И это будет хуже, чем если бы она застала нас целующимися. Потому что это докажет, что мы готовы нарушать правила ради друг друга.

— А мы готовы?

Вопрос повис в холодном воздухе.

Глеб смотрел на неё. Луч фонаря упал на пол, и теперь их лица освещались только тусклым светом от анализатора спектра — красным, тревожным, похожим на свет над дверью операционной.

— Я не знаю, — сказал он наконец. — Я никогда не знаю, на что я готов. Потому что последний раз, когда я решил, что готов нарушить правила... — он замолчал. Его адамово яблоко дёрнулось. — Моя сестра умерла.

Это было признание. Сорванное с цепи. Вырванное с мясом. Мира догадалась, он никогда и никому этого не говорил — сейчас она видит его настоящего. Не ледяного принца, не наследника империи, не робота в человеческом теле. А мальчика, который однажды сказал «нет» человеку, которого любил, и тот человек исчез навсегда.

— Глеб, — произнесла его имя. В первый раз. Без фамилии. Без ранга. Без статуса. Просто — Глеб. — Твой выбор убил не её. Он убил тебя. Но ты всё ещё здесь. Ты всё ещё дышишь. И сейчас тебе нужно выбрать снова.

Он стоял неподвижно. Секунда. Другая. Третья. А потом сделал шаг вперёд.

Они стояли так близко, что Мира перестала понимать, где заканчивается её собственное тело и начинается его. Тепло кожи просачивалось сквозь тонкую ткань нательных рубашек — невесомое, почти живое, будто он держал под одеждой маленькое, испуганное солнце, которое вот-вот погаснет. Она чувствовала его дыхание на своих губах — не горячее, каким оно бывает у живых и смелых, а едва тёплое, почти остывшее. Как пар над чашкой чая, которую забыли выпить десять минут назад. Как последний вздох ноября перед тем, как декабрь запечатает землю льдом.

Он дышал редко. Слишком редко для человека, который всё ещё жив. Вдох — короткий, нервный, будто боялся впустить в себя слишком много воздуха. Выдох — долгий, почти не слышимый, словно извиняющийся перед миром за то, что существует.

«Он дышит так, — подумала Мира, и мысль эта пришла не из головы, а откуда-то из глубины груди, где прячутся самые тихие истины, — будто каждый выдох может стать последним».

И вдруг осознала — с той внезапностью, с которой понимают, что больше никогда не увидят восход, потому что ночь оказалась длиннее, чем ты думала. Не метафора. Не поэтическое преувеличение. Не придуманный для утешения страх. Правда. Горькая и беспощадная.

Для человека, который терял, каждый вдох — крик. Потому что не знаешь, кому адресован очередной миг. Тому, кто рядом? Или тому, кто ушёл физически, но навсегда остался в мыслях? Кто смотрит на тебя сейчас, с дрожащими ресницами? Или той, чьё лицо выцветает в памяти с каждым днём, как старая фотография на солнце?

Мира смотрела на его губы — бледные, с едва заметной трещинкой от переохлаждения, которую он то и дело облизывал, как будто хотел залечить её языком, но трещина возвращалась снова и снова, потому что внутри неё была не просто сухость — внутри неё была целая зима. Зима, которая длилась два года. С тех пор, как сестра шагнула в холодную воду, а он остался на мосту — один, с телефоном в руке, на котором ещё не погас её последний звонок.

«Он дышит так, — повторила она про себя, и этот внутренний шёпот был громче любого крика, — потому что боится, что если выдохнет слишком сильно, то вместе с воздухом из него выйдет всё, что осталось от человека. И тогда снаружи останется только форма. Только костюм. Только идеальная осанка и пустые глаза, которые смотрят, но не видят».

Почувствовала как сжалась собственная грудь — не от нехватки воздуха, а от переизбытка. От того, что в неё вошло слишком много его боли, страха, отчаянного, жажды — нет, не быть счастливым, а просто перестать бояться, что его любовь убьёт кого-то ещё.

Пальцы, лежавшие на его плечах, дрогнули. Не от холода — он не позволяет себе дышать полной грудью не потому, что не умеет. А потому что боится, что, вдохнув слишком много — её, запах, тепло, близость, — он уже никогда не сможет выдохнуть. И задохнётся. В ней. В том, что она открыла в нём, сама того не зная.

«Ты боишься не смерти, — мысленно обратилась к нему Мира, глядя в его серые глаза, которые в темноте казались чёрными, как дно колодца, — ты боишься жить. Потому что жить — значит дышать полной грудью. А дышать полной грудью — значит рисковать, снова потерять. И ты предпочёл бы не дышать вовсе, чем потерять ещё раз».

Она коснулась пальцами его щеки — едва, как крыло бабочки, как первый снег, который тает, не успев коснуться земли. Его кожа была прохладной, но под ней, где-то глубоко, Мира чувствовала пульс — неровный, сбивчивый, как бег человека, который уже не помнит, от чего и зачем убегает.

Он закрыл глаза. Его ресницы дрожали — длинные, тёмные, похожие на крылья ночной бабочки, которые раскрываются только в полной темноте, когда никто не видит.

Вдохнул. Первый настоящий вдох за два года. Глубокий, полный, живой.

А когда выдохнул — этот выдох коснулся её губ, как обещание. Мира услышала, как пахнет надежда. Не сладко и не приторно, как в старинных романах. А горьковато, с примесью страха и слёз.

— Обними меня, — сказал он шёпотом. — И не отпускай, пока я не скажу.

Она положила руки ему на пояс. Перчатки с подогревом скользнули по ткани нательной рубашки. Он был твёрдым — не как камень, а как натянутая струна. Одна вибрация — и он сломается.

Он обнял её в ответ. Его руки легли на её спину — широкая ладонь на лопатках, пальцы чуть выше талии. Нежно. Нет, не нежно — бережно. Так держат то, что может разбиться в любую секунду.

Мира закрыла глаза. Она чувствовала тепло его тела сквозь одежду — жар, который не имел права быть в этом ледяном склепе. Слышала его сердце — быстрое, неровное, паническое. Это сердце не было машиной. Оно было живым. Раненым. Слишком человеческим для того, кто поклялся быть льдом.

— Я должен тебе кое-что сказать, — прошептал он ей в волосы. — Тогда, в звуконепроницаемой комнате, я спросил про твоего отца не случайно. Знал, что это заставит тебя плакать. Запрограммировал твои слёзы. Так же, как вызвал свою холодность. Я не хотел тебя мучить. Я просто... я просто хотел увидеть, что ты настоящая.

— Зачем?

Он не ответил. Но руки сжались сильнее — так сильно, что ребра затрещали. Мира ощутила, что не хочет дышать. Не хочет двигаться. Хочет остаться здесь, в этой мгле, в этом холоде, с этим мальчиком, который боится любить так сильно, что готов убить в себе всё живое, лишь бы больше никогда не чувствовать вину.

Инфракрасные датчики над их головами мигнули красным — и погасли. Система приняла их за один объект. За двухголовую аномалию. За ошибку, которую не в силах исправить.

— Пять минут, — прошептал Глеб. — Нам нужно продержаться пять минут.

Мира знала, что он говорит не о тепловизорах.

Глава 3. Синхронизация.

Архивное хранилище уровня «Харон». Сектор G, подсектор 3. 18 ноября. 00:12.

Тепловизоры погасли не навсегда. Мира знала это — чувствовала, как тишина над головой сгущается, превращаясь в ожидание. Система не отключилась, она просто перезагружалась, адаптировалась к новым данным, пересчитывала алгоритмы. Через несколько минут сенсоры снова включатся — более чуткие, более злые, настроенные на поиск аномалии с двумя тепловыми контурами, слишком похожими на человеческие.

— Сколько у нас времени? — спросила она шёпотом, не разжимая рук на его поясе.

— Шесть минут, сорок секунд, — ответил Глеб, не глядя на анализатор. Он всё ещё смотрел на неё — туда, где в темноте угадывались очертания её лица, блеск глаз, влажная дорожка от недавних слёз. — Затем система вернётся в активный режим. Если мы не найдём файл и не покинем архив до этого момента...

— Что случится?

— Академия не любит свидетелей своих секретов.

Он разжал объятия первым. Мира почувствовала, как холод немедленно вцепился в то место на спине, где только что лежала его ладонь, — будто кто-то вырвал из неё живой кусок тепла. Перчатки с подогревом всё ещё грели пальцы, но этого было мало. Ей вдруг захотелось снова прижаться к нему — не ради спасения, не ради файла, не ради отца. Просто потому, что в его объятиях она впервые за много лет перестала быть камнем.

Опасная мысль, — одёрнула она себя. Мысли тоже фиксируются. Инфракрасные датчики не видят мыслей, но твоё лицо — видит. А на лице всё написано.

Она заставила себя отступить на шаг. Сделала лицо непроницаемым — с тем самым выражением, которое отец называл «дипломатической маской». Внутри, под ней, всё кипело.

— Веди, — сказала она коротко.

Глеб кивнул и двинулся вперёд, теперь уже не так быстро — крадучись, прижимаясь к стене, проверяя каждый угол лучом фонаря. Мира шла за ним, стараясь ступать след в след. Заметила, что он время от времени проводит пальцами по стене — там, где под резиновой обшивкой угадывались неровности. Шрамы бетона. Метки, которые мог видеть только тот, кто спустился сюда не однажды.

— Ты уже был здесь, — сказала она. Не вопрос — утверждение.

— Два года назад. С сестрой. Она помогала мне готовиться к симуляции «Чёрный лебедь». Мы спустились за архивными данными по кибератакам на энергосети. Тоже было холодно. Тоже темно. Только тогда... — он запнулся в третий раз за этот вечер. Мира начала считать его запинки. Каждая была как трещина в броне. — Тогда я не думал, что это будет в последний раз.

— Когда она умерла, ты был здесь?

— Нет. Я был в своей комнате. Готовился к финальной симуляции. Она позвонила в два часа ночи. Сказала, что хочет увидеться. Я ответил, что не могу — у меня репетиция в шесть утра, нужно выспаться. Она сказала: «Ты меня больше не любишь?» Я сказал: «Не будь ребёнком». Она сказала: «Я и не ребёнок. Я уже приняла решение». Я спросил: «Какое?» Она сбросила вызов. А через три часа её нашли под мостом.

Говорил ровно. Спокойно. Будто читал лекцию по истории древних войн — отстранённо, сухо, без единой эмоции. Но его спина была напряжена так, что, казалось, ткань пальто вот-вот лопнет по швам. И его руки — Мира видела их краем глаза — дрожали. Микроскопически. Почти незаметно. Но достаточно, чтобы понять: этот мальчик не пережил смерть сестры. Он просто научился имитировать спокойствие.

— Ты не виноват, — сказала Мира тихо.

Он резко остановился. Повернулся к ней. В темноте его глаза светились — не фонарём, не имплантом, а чем-то другим, первобытным, человеческим. Болью.

— Не смей, — прошептал он. — Не смей меня жалеть. Жалость — это форма превосходства. Ты не выше меня. Ты ниже меня по рангу, по происхождению, по ресурсам. Единственное, в чём ты меня превосходишь, — это способность плакать. Но слёзы не искупают вину. Слёзы — это просто солёная вода.

— А что искупает?

— Ничто. Вину нельзя искупить. Можно только научиться с ней жить. Или не жить. Я выбрал первое.

Отвернулся и пошёл дальше. Мира не стала догонять. Оставшись наедине с собственной болью — отец в тюрьме, жизнь перевернута, одиночество в академии, где каждый студент выжидает что бы воткнуть нож в спину — это не боль. Это просто факт. Настоящая боль — это когда ты выбираешь между любовью и долгом и проигрываешь по всем фронтам.

Глеб проиграл два года назад. И продолжает проигрывать каждую секунду, потому что до сих пор не мог себе простить. Догнала уже у стеллажа с маркировкой «G-3». Он стоял перед ячейкой 47 — металлическим боксом, запёртым на электронный замок с клавиатурой.

— Код — 171219, — сказал он, вводя цифры. — Дата смерти Элли.

Замок щёлкнул. Бокс открылся. Внутри, на подушке из антистатической пены, лежал прозрачный контейнер размером с книгу. Внутри — кристалл данных, тёмно-синий, почти чёрный, с едва заметным мерцанием внутри.

Файл 7-Альфа.

Глеб взял контейнер. И в этот момент в коридоре зажёгся свет.

Не тусклый, архивный — яркий, белый, хирургический. Залил всё пространство, уничтожил тени, превратил их с Мией в две чёткие, беззащитные фигуры посреди пустоты.

— Вентиляция отключена, — произнёс голос из динамиков — механический, бесстрастный, чужой. — Уровень кислорода снижается. До полной аноксии — 19 минут 30 секунд. Пожалуйста, покиньте помещение.

— Это она, — прошипел Глеб сквозь зубы. — Оксана взломала систему оповещения. Того голоса, который мы слышим, не существует. Это запись, пущенная по циклу.

— А кислород..

— Кислород действительно отключают. Через девятнадцать минут мы начнём задыхаться. Через двадцать две — потеряем сознание. Через двадцать пять — умрём.

Он говорил так спокойно, будто речь шла о погоде на завтра: «Облачно, возможны осадки в виде смерти».

Мира почувствовала, как воздух вдруг стал тяжёлым. Это мог быть психосоматический эффект — а могла быть жестокая реальность. В любом случае, дышать становилось труднее с каждой секундой.

— Как мы выберемся?

— Единственный выход — лифт. Но его заблокировали дистанционно. Оксана не может его открыть — не её уровень доступа. Но она может держать его закрытым до тех пор, пока мы не...

Не договорил. Мира поняла и так — пока мы не сдадимся. Пока не признаем поражение. Пока не попросим помощи, и тогда нас поймают с файлом в руках, и исключение будет оформлено как «добровольный уход», а отец останется в тюрьме навсегда.

— Есть другой способ, — сказала она вдруг. — Ты говорил, что тепловизоры реагируют на разницу температур. А на что ещё они реагируют?

— На движение. На звук. На изменение электропроводности воздуха. А ещё... — он замер. Его глаза расширились — Мира впервые видела его испуганным по-настоящему, не замаскированным под ледяное спокойствие. — Ещё они реагируют на магнитное поле сердца.

— Что?

— Сердце человека генерирует электромагнитное поле, которое распространяется на расстояние до полуметра от тела. Тепловизоры «Харона» модернизированы — они оснащены сверхчувствительными магнитометрами, которые сканируют именно это поле. Их можно обмануть, если... если два сердца забьются в унисон. Идеально. С точностью до сотой доли секунды. Система воспримет это как один источник и перестанет блокировать лифт.

Мира смотрела на парня, не веря своим ушам.

— Ты предлагаешь нам синхронизировать сердцебиение?

— Это единственный способ активировать аварийный протокол разблокировки. Если система увидит два поля как одно, она решит, что в зоне поражения находится один человек — и откроет двери, чтобы эвакуировать «пострадавшего». Это баг. Я нашёл его два года назад. Не успел использовать.

— Потому что Элли...

— Потому что для синхронизации нужно не просто биться в одном ритме. Нужно чувствовать одно и то же. Мысль. Образ. Эмоцию. Без этого сердца не совпадут. А я... я не умею чувствовать. Я разучился.

Он опустил контейнер с файлом 7-Альфа на пол. Сел на корточки, прислонился спиной к стеллажу. Лицо побелело, как бумага, — не от страха смерти, а от страха того, что сейчас придётся сделать.

— Сядь напротив меня, — сказал он. — И смотри мне в глаза.

Она села. Их колени почти соприкоснулись. В ярком, безжалостном свете она впервые разглядела его по-настоящему — тени под глазами (он не спал не просто мало, он не спал вообще), мелкие шрамы на костяшках пальцев (от ударов о стены, поняла она, он бил кулаками в стены, когда никто не видел), родинку над левой бровью — единственное несовершенство на этом мраморном лице.

— Смотри сюда, — он показал пальцем на переносицу — точку между бровей. — Не моргай. Слушай мой пульс. Я буду считать вслух. Ты должна попасть в мой ритм.

Сорвал перчатки обхватил её руки своими. Пальцы были горячими — необычайно горячими для человека, который только что полчаса провёл в минусовой температуре. Мира вдруг подумала: «У него температура. Он болен. Он скрывает, что болен». И от этой мысли её сердце забилося чаще.

— Сброс, — приказал он. — Твой пульс — 110. Мой — 67. Нам нужно к 70. Успокойся. Дыши. Со мной.

Он начал дышать — медленно, глубоко, с задержкой на выдохе. Мира повторяла. Вдох — раз-два-три-четыре. Задержка — раз-два. Выдох — раз-два-три-четыре. Воздух в архиве становился всё более разреженным — в этом ритме было что-то гипнотическое, почти запретное. Она почувствовала, как мир за пределами их двоих начинает исчезать — стеллажи, свет, угроза, время. Остались только его глаза и его пульс, который она слышала сквозь сомкнутые пальцы.

— Семьдесят один, — сказал он. — Хорошо. А теперь — образ.

— Какой образ?

— Тот, который заставит нас биться синхронно. Я скажу слово — и ты представишь то, что я представляю. Не спрашивай, почему. Просто доверься.

Он закрыл глаза. Мира последовала его примеру.

— Мост, — сказал он.

И она увидела. Не тот мост, с которого прыгнула Элли. Другой — старый, деревянный, над чёрной водой. На мосту стоят двое — мужчина и девочка. Девочка держит мужчину за руку. Мужчина говорит: «Будь камнем». Девочка плачет. Но мужчина не вытирает её слёз. Он просто держит за руку и смотрит вперёд — туда, где на другом берегу ждут люди в серых костюмах.

— Четырнадцать лет, — продолжил Глеб. — Ты стоишь в коридоре, залитом светом. Дверь открывается. Выходит отец. Он не смотрит на тебя. Смотрит на конвой. Говорит: «Я ни в чём не признаюсь». А через секунду его бьют прикладом по лицу.

Это не было её воспоминанием. Оно было его. О том, как маленького вели по коридору, впервые нарушил правила академии, отец смотрел на него так, будто он уже мёртв.

Мира почувствовала боль. Не свою — его. Она вошла, как нож в масло, — легко, без сопротивления. Потому что их сердца бились в унисон уже не просто механически. Они слились физически, она видела его прошлое, а он — её.

— Семьдесят, — прошептал Глеб. — Идеально.

Он открыл глаза. Она — тоже. Их взгляды встретились, и в этот момент что-то щёлкнуло. Не в системе — в них. Невидимая нить, сплетённая из их общей боли, натянулась между грудными клетками и зазвенела.

— Сейчас, — сказал он. — Лифт откроется. Но нам нужно пробраться до дверей. Не разжимай рук. Не смотри по сторонам. Только на меня.

Он поднялся, потянул её за собой. Они сделали шаг — синхронно, как одно тело. Второй. Третий. Коридор тянулся вдаль бесконечной белой лентой.

И тогда Оксана нанесла последний удар. Динамики взорвались голосом — не механическим, живым, сладким, как яд:

— Глеб, дорогой. Я вижу вас. Вы выглядите так мило вместе. Твоя мама будет рада узнать, что ты нашёл себе девушку из сектора F. Она всегда говорила, что тебе нужна та, кто ниже тебя по статусу. Чтобы было удобнее командовать.

Парень не замедлил шага. Но Мира почувствовала, как его пульс дрогнул — на долю удара сбился с ритма. Система загудела — предупреждение.

— Не слушай её, — прошептала Мира. — Смотри только на меня.

Она сделала то, чего не делала никогда в жизни. Она потянулась к нему и коснулась губами его губ.

Это не было поцелуем в привычном смысле. Это было прикладыванием одного живого к другому живому, чтобы заглушить внешний шум внутренним теплом. Это было: «Я здесь. Я с тобой. Ты не один». Это было нарушением «Правил нулевого контакта» по всем статьям.

Его губы были сухими и горячими — он действительно болел, температура была как минимум тридцать восемь. Но под этим жаром Мира почувствовала другое — дрожь. Мелкую, животную, паническую. Не страх смерти. Боялся того, что с ним происходит. Полюбить и потерять.

Поцелуй длился три секунды. Может, четыре. Этого хватило, чтобы их пульсы слились вновь — ровно семьдесят ударов в минуту, синхронно, как у двух половин одного разорванного сердца.

Лифт открылся с мелодичным звоном. Они вбежали внутрь, не разжимая рук. Двери сомкнулись. Кабина медленно поползла вверх.

Оксана что-то кричала из динамиков — угрозы, насмешки, проклятия. Но они её не слышали. Они стояли в зеркальном лифте, глядя на своё отражение — два бледных, испуганных, живых лица, всё ещё соединённых поцелуем, который нельзя было отменить.

Глеб отстранился первым.

— Теперь нас убьют, — сказал он. — Не здесь. Не сейчас. Но правила нарушены. Рано или поздно это убьёт нас обоих.

Мира посмотрела на его отражение в зеркале. На себя — рядом с ним. И вдруг улыбнулась — впервые за много лет.

— Тогда у нас есть время, которое осталось до этого «рано или поздно». Предлагаю не тратить его на сожаления.

Он не ответил. Но пальцы сжали её ладонь так сильно, что захрустели косточки. Лифт поднимался вверх, унося их из ледяного ада в ад другой — более изощрённый, более жестокий. Академия ждала их наверху. В руках Глеба был контейнер с файлом 7-Альфа — ключ к свободе отца Мира и к падению дома Оксаны. Но в груди у каждого из них билось теперь не одно сердце. А два — синхронных, запутанных, обречённых.

Глава 4. Совет трёх.

Академия «Астрея». Зал попечительского совета. 18 ноября. 08:00.

Зал попечительского совета находился на самом верхнем этаже главного корпуса — туда, где стёкла не тониrowали, потому что на такой высоте даже самые любопытные спутники-шпионы не могли разглядеть лица. Свет падал сверху — через панорамную крышу, усеянную сотнями крошечных датчиков, похожих на металлических мух, застывших в прозрачном янтаре. Каждый датчик фиксировал микродвижения, каждое моргание, каждый вздох.

Мира стояла в центре зала, под перекрестьем трёх камер — напротив амфитеатра, где в креслах из чёрной кожи восседали трое. Совет Трёх.

В академии никогда не было директора в обычном понимании этого слова. Было три попечителя — по одному от каждого из столпов, на которых держалась закрытая система: политика, экономика, безопасность. Их настоящие имена знали только посвящённые. Студенты звали их иначе — Стальной, Шепчущий и Глаз.

Стальной сидел слева. Мужчина под семьдесят, с лицом, изрезанным морщинами, как старая карта военных действий. Его правая рука отсутствовала от локтя — вместо неё была культя с вживлённым интерфейсом, к которому подключался голографический планшет. Он не пользовался мышью или голосом — он управлял данными мыслью. Или тем, что осталось от мысли после сорока лет работы в «Астрее».

Шепчущий занимал центр. Женщина с андрогинной внешностью — короткие седые волосы, строгий костюм, отсутствие макияжа, украшений, каких-либо признаков индивидуальности. Её называли Шепчущей не потому, что она говорила тихо. А потому, что она никогда не повышала голос — даже когда отдавала приказы, которые стоили кому-то жизни. Её шёпот проникал в мозг как тонкая игла — не больно, но уже не вытащишь.

Глаз справа был самым страшным. Потому что не был человеком. Голограмма — трёхмерное изображение искусственного интеллекта, созданного выпускниками академии поколение назад. Глаз выглядел как сфера диаметром в человеческую голову, с тысячей микроскопических зрачков на поверхности. Когда он «смотрел» на тебя, ты чувствовал себя не человеком — образцом. Клеткой под микроскопом. Ошибкой в системе, которую вот-вот исправят.

Мира почувствовала, как её пульс — тот самый, синхронизированный с Глебом всего несколько часов назад — начал сбиваться. Сделала вдох. Раз-два-три-четыре. Выдох. Раз-два.

— Студентка Соколова, — произнёс Шепчущий. Её голос был тихим, но заполнил весь зал, отражаясь от стен, усиливаясь, превращаясь в многоголосый шёпот. — Вам известно, зачем вы здесь?

— Нарушение пункта 3.7 «Правила нулевого контакта», — ответила Мира ровно. Она заучила этот ответ за последние два часа — с тех пор, как они вышли из лифта и их перехватила служба безопасности. — Физический контакт, не санкционированный уставом академии.

— Вы не спросили, что это за контакт, — сказал Стальной, не поднимая глаз от планшета, подключённого к культе. — Вы не оспариваете факт?

— Факт не оспаривается. Интерпретация — да.

Шепчущий улыбнулась. Улыбка чуть коснулась её глаз — бледно-голубых, выцветших, как небо над Арктикой в полярную ночь.

— Интерпретируйте.

— Контакт был вызван необходимостью выживания в условиях, которые не были предусмотрены уставом. Система жизнеобеспечения архивного хранилища была намеренно выведена из строя третьим лицом с целью причинения вреда. В сложившихся обстоятельствах

физический контакт стал единственным способом синхронизировать тепловые контуры и обмануть систему слежения, которая в противном случае заблокировала бы эвакуацию.

— Вы говорите «обмануть систему», — вмешался Глаз. Его голос был синтезированным, но странно человеческим — с придыханием, с паузами, с интонациями, которые казались живыми. — Обман — это нарушение принципа доверия, на котором построена академия.

— С уважением, — Мира позволила себе микроскопическую паузу — ровно настолько, чтобы слово «с уважением» прозвучало не как лесть, а как факт, — доверие не может быть односторонним. Академия доверяет студентам соблюдать правила. Но и студенты должны доверять академии, что правила не будут использованы как оружие против них. Когда третье лицо взламывает систему вентиляции и создаёт угрозу жизни, доверие нарушается не мной.

В зале повисла тишина.

Стальной поднял голову. Его глаза — тёмные, почти чёрные — впервые за всё время встретились с обвиняемой. Она не отвела взгляда. В этих глазах не было ничего, человеческого — ни злости, ни сочувствия, ни даже простого любопытства. Только оценка. Сухая, математическая, безжалостная.

— Вы умны, — сказал он. — Но ум — не защита. Ум — топливо. А горячее рано или поздно сгорает.

— Знаю, — ответила девушка. — Я готова сгореть.

— Не будьте так уверены, — прошептал Шепчущий. — В Астрее горят долго.

Двери зала открылись. Вошёл Глеб.

Парень был в той же одежде, что и в архиве — пальто, костюм, перчатки (те самые, что Мира вернула у входа в лифт). Но выглядел иначе — собраннее, непроницаемее. Лицо было маской, под которой она теперь умела различать трещины. Сейчас трещин не было. Только гладкая, отполированная поверхность. Лёд.

— Студент Вандербильт, — произнёс Глаз. — Вы обвиняетесь в том же нарушении. Что вы можете сказать в свою защиту?

Глеб встал рядом с Мирой — не слишком близко, чтобы не провоцировать камеры, и не слишком далеко, чтобы не выглядеть отстранённым. Идеальная дистанция, просчитанная до сантиметра. Мира подумала: «Он репетировал это. Пока я учила текст, он репетировал позицию».

— Я не буду защищаться, — твердо сказал Глеб.

Шепчущий приподняла бровь — единственное проявление эмоции за всё утро.

— Поясните.

— Защита предполагает, что есть что-то, что нужно защищать. Мои действия не были нарушением. Они были исполнением долга. Как старший по рангу в паре, я нёс ответственность за безопасность младшего члена команды. Когда система жизнеобеспечения отказала, я предпринял меры, которые сочёл необходимыми для сохранения жизни напарницы. Если академия считает, что спасение жизни является нарушением устава, — значит, устав нуждается в пересмотре, а не я — в защите.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.